

Странные и прекрасные вещи происходят с каждым из нас ежедневно. Маленькие истории и значительные события влияют на нашу жизнь, наш характер, нашу судьбу. Ирландский философ, эстет, писатель, поэт Оскар Уайльд однажды сказал, что «...жизнь не делится на мелочи и важные вещи. В жизни все одинаково важно...». Рассказывая истории из своей жизни, мы делимся друг с другом своими воспоминаниями. Они бывают смешными и забавными, грустными и тяжелыми, но все равно остаются для нас важными. Газета «Вести» продолжает публикацию интересных историй из жизни простых людей нашей страны под общей рубрикой «Однажды...».

Однажды в субботу

В детстве мне всегда хотелось быстрее вырасти. Тогда мне казалось, что быть взрослым, значит быть свободным во всем. Это ВСЕ заключалось в том, чтобы ложиться спать, когда захочется, есть сладости вместо супа, не носить шапку в ледяной ветер и стужу, гулять где вздумается. Но чем старше я становился, тем отчетливей понимал, что настоящую свободу могут подарить лишь два крыла – работа, дарящая радость, и любимая женщина.

Настоящим испытанием моей жизни стало желание не только найти эти крылья, но и сохранить их... Моя прошлая жизнь лежала передо мной покрытой пылью толстой книгой, которую предстояло прочитать и переосмыслить. Иначе бы депрессия добила меня окончательно.

Помню, как тогда меня буквально терзали мысли, рожденные одиночеством, болью от потери близких людей. Свои крылья я сломал из-за собственной глупости.

Очень хорошо помню, как мне удалось удержать в памяти тот день, когда я принял окончательное решение попытаться восстановить разрушенное. Это была суббота.

Прошло ровно полгода после потери близких мне людей. Я зашел в спальню отца и матери, в которую не заходил несколько месяцев. На шкафу увидел знакомый силуэт

скрипичного футляра. Усевшись на пол и положив футляр на колени, смахнул с него пыль, глубоко вздохнул и стал открывать на нем замки. Левый поддался легко, правый начал заедать как в минуту нашей первой встречи. Грустно улыбнувшись, по старой привычке я стукнул кулаком по кожуху сверху, замок мигом открылся. Еще секунда, и вот она, красивая печальная «Итальянка», оказалась в моих руках (так мама называла мой инструмент).

Нежно погладив гриф скрипки, я вдруг ощутил, как мое сердце стало биться чаще, и по рукам пробежала легкая дрожь. Придя в себя, я достал смычок, встал в центр комнаты и, к своему удивлению, безошибочно, с легкостью стал играть Антонио Вивальди «Летняя гроза». Комната наполнилась звуками, я закрыл глаза и почувствовал, как по щекам побежали слезы. В голове закружились картинки событий, с которых началась вся эта история...

Мои родители с юных лет мечтали быть актерами, оба безуспешно пытались несколько раз поступить в разные театральные вузы, но так и не смогли покорить своими талантами строгих знатоков театрального дела. Но жизнь без театра они себе не представляли. Папа выучился на декоратора-бутафора, мама стала гримером.

Познакомились они в театре. Молодые люди, смирившиеся со своей судьбой, быстро нашли общий язык. Вскоре полюбили друг друга. Папа всегда смотрел на маму как на божество, считал, что она чудесно пела. Мама в отце видела настоящего актера, которому просто не дали шанс из-за его фамилии – Ефремов. Она была убеждена, что в театральном мире двух Ефремовых быть не могло, поэтому талантливому мужу была уготована судьба украшать сцену, на которой он, по маминому разумению, должен был блистать.

Папа смеялся над теорией мамы, обнимал, называл своей богиней... Так время от времени его тщеславие получало маленький подарок от любимой женщины.

Над моей судьбой несостоявшиеся артисты решили потрудиться с особым рвением. Театральный мир для меня был закрыт, мама решила сделать из меня великого музыканта. Переговоров со мной не велось, а когда мне исполнилось четыре года, мама отвела меня на прослушивание.

В музыкальной школе ей объяснили, что прием ведется лишь с пяти лет, но мама уговорила директрису сделать для нас исключение. В музыкальную школу я поступил на год раньше других детей. Музыкальная школа оказалась лишь началом моего творческого пути.

В шесть лет меня записали на балльные танцы. Я рос за кулисами, часто бывал на сцене театра, где служили мои родители (слово «работать» они так и не приняли). Поэтому мир искусства для меня был родным. Усмешки сверстников по поводу девчачьих увлечений меня вовсе не трогали.

Как любому нормальному ребенку, в летние каникулы мне хотелось гонять мяч в школьном дворе, вместо изнурительной игры на скрипке или выступлений в оздоровительных лагерях с танцевальной программой. Но родители оказались непреклонны, они утверждали, что мальчишеские игры приводят только к травмам и проблемам. Уважающий себя человек обязан посвятить себя без остатка только искусству.

Хореография не стала моей судьбой, но позже она позволила без труда научиться охмурять девчонок на дискотеках. Приобретя великолепную осанку и отличное танцевальное умение, я мог закружить в вальсе любую понравившуюся мне девочку, на зависть моим сверстникам-топтунам. Так я называл танцоров, движения которых больше напоминали топтание на одном месте. Это помогло мне раньше всех в классе познать женщину.

На вечере встречи выпускников я выступал с номером от школы и произвел впечатление на красивую двадцатипятилетнюю выпускницу прошлых лет. На дискотеке я несколько раз приглашал на танец эту шикарную брюнетку, с которой под покровом ночи в классе английского языка я познал язык страсти...

После окончания банкета за красоткой приехал ее жених. Мне было не по себе, я даже решил побороться за нее. Но девушка улыбнулась, прикоснувшись к своим губам указательным пальцем, попросила не выдавать нашего секрета и удалилась под руку с мужчиной, которому с такой легкостью изменила.

Эта история меня ошеломила. Но послевкусие от прикосновения к взрослой жизни было слаще, чем горечь от проявления легкомыслия представительницы женского пола. Ощущения от полыхнувшей страсти наполнили мою игру на скрипке иным звучанием. Перемены ощутила даже мама и сумела заставить меня все рассказать.

Со мной была проведена разъяснительная беседа по поводу отношений с девушками, важности достойного выбора и указан перечень качеств и характеристик будущей жены.

В театре наступили трудные времена. Гастроли почти прекратились, репертуар давно не менялся. Актеры, чтобы выжить, стали петь в ресторанах, вести свадьбы, сниматься в телевизионных рекламах. Родители негативно отзывались о таких подработках. Каждый яростно утверждал, что искусство надо уважать и только тогда можно достичь каких-то высот. Танцуя перед жующей публикой или играя в переходах метро, исполнитель плюет в лицо искусству, унижает собственное достоинство.

Любые попытки поспорить с родными заканчивались грандиозным скандалом. По моему мнению, важно было дарить искусство в любой форме и виде, главное – делать это хорошо, от души, без халтуры.

После моих слов мама бралась за сердце, папа метался в поисках корвалола. Напоследок мама выкрикивала: «Узнаю или увижу, что ты играешь на улице за милостыню, – проклянусь!» Дальше следовала тирада о том, что меня вырастили для большой сцены, а не для подворотни. Потом были обильные слезы мамы, глубокие вздохи отца. Иногда споры заканчивались обсуждением выбора моей будущей жены.

Несмотря на то, что у меня не было даже невесты, мама любила ставить ультиматумы на эту тему: «В доме не потерплю безродную простушку!» Мне оставалось улыбаться и задаваться вопросом: откуда у моих родителей столько амбиций? Оба приехали из таких махровых деревень, которых на карте моего географического атласа просто не было. А судя по разговорам, передо мной сидела чета дворян с приличной родословной. Во избежание кровопролития я сдавался первым и уходил прогуляться, чтобы все смогли хоть немного успокоиться.

После окончания с отличием музыкального училища я успешно поступил в государственную консерваторию. Однако к тому времени я стал ощущать в себе талант к аранжировке музыки.

Позже меня пленил новый подход к звучанию классики. Подключая бас-гитару и ударные инструменты, можно было сделать из любой нудной классической композиции зажигательное современное произведение. Академическое образование все больше тяготило меня. Найдя союзников по убеждениям, я устроился работать в звукозаписывающую студию и ушел из консерватории. Естественно, дома случился небывалый скандал...

Преодолеть напряжение удалось после окончания гастролей театра, где трудились мои родители. К тому времени новым художественным руководителем очага культуры был назначен молодой, предприимчивый, талантливый мужчина, который быстро наладил вопросы финансирования служителей Мельпомены, организовал регулярные обменные гастроли и смог вывести учреждение на новый уровень развития.

После почти месячной разлуки никому не хотелось спорить и ссориться. За ужином родители наперебой рассказывали о курьезах, случившихся на сцене и за кулисами, я — о тонкостях новой и очень интересной работы. Моя информация, хоть и со скрипом, но все же была принята родными. В доме снова наступил мир, правда, как оказалось, ненадолго...

Рядом со студией, где я работал, располагалась кафе, где безумно вкусно готовили горячие закуски и выпечку, к тому же бесподобно варили кофе. В скором времени я стал постоянным клиентом, которого обслуживала лучшая официантка. Ее фото висело на доске почета кафе. Девушку звали Лейла. Обрамленные пушистыми черными ресницами большие голубые глаза моей новой знакомой диссонировали с черными густыми волосами, всегда аккуратно собранными в тугую необычно заплетенную косу.

Лейла была приветливой и улыбчивой. Несмотря на природную скромность и воспитанность, она не давала себя в обиду. Девушка нравилась многим посетителям, поэтому, чтобы пригласить ее на свидание, потребовалось применить не только свое обаяние, но и смекалку.

В те дни в нашей студии записывались начинающие рок-исполнители. Молодые, горячие музыкальные романтики с радостью поменяли имя героини своей песни на Лейлу и дописали слова приглашения на свидание. Группа зашла в кафе, но все немного перенервничали, перепутали слова, бас-гитарист вообще заиграл другую мелодию. Посетители и Лейла начали смеяться, чтобы прекратить какофонию, моя избранница согласилась поужинать со мной вечером.

Как оказалось, необычным именем назвал ее отец. Он был из Баку, страстно влюбился в маму Лейлы – молодую голубоглазую выпускницу детского дома. Восточный «падишах» водил ее маму по ресторанам. Заказывал роскошные угощения. Он так красиво ухаживал за невинной девчонкой, которая ничего слаще пареной репы не ела, что устоять было невозможно. Вскоре молодая пара сняла квартиру, а через девять месяцев родилась дочь.

Через год отец Лейлы сообщил, что возвращается домой, чтобы жениться, поскольку родители уже выбрали невесту. На вопрос: «А как же мы?» – мужчина сухо ответил, что если бы родился сын, то он обязательно бы женился на маме. Так мама Лейлы осталась одна. Пройдя нелегкий путь детского дома, она не собиралась дарить своей дочери ту же судьбу, поэтому мужественно приняла единственно верное решение – бороться за свою маленькую семью.

Неожиданно у мамы Лейлы нашлась родственница, которая оставила ей небольшую квартиру на окраине города в наследство. Так у семьи появился свой дом. Мама Лейлы сначала работала в детском садике, куда устроила ребенка, потом перешла работать в детский дом, находящийся неподалеку от их квартиры. Лейла после школы поступила заочно на юридическое отделение, чтобы выжить, устроилась работать в кафе и раз в неделю мыла подъезды своего дома. Я смотрел на этого ангела и не мог поверить, что в такой хрупкой и нежной девушке столько силы и желания выкарабкаться из нищеты.

После ужина мы решили прогуляться. Лейла рассказала, как они живут с мамой. Слушая ее, я понимал, что моя прежняя жизнь была иной. Я не помнил, чтобы голодал когда-нибудь или не мог выйти на улицу из-за отсутствия зимней обуви. Решение бытовых вопросов, которым я вообще не придавал значения, для этой девочки были практически волшебством.

Прогулявшись по парку, я заметил, что Лейла совсем продрогла. На дворе март пел

арию первой капели. Я предложил проводить Лейлу на такси, на что получил бурный отказ. По ее мнению, было безрассудно платить за такси, когда есть метро, наполненное своим очарованием и особым миром.

Когда мы спустились в метро, Лейла взяла меня под руку и сказала, что у нее здесь есть дело. Народ привычным потоком хлынул в вагоны, но Лейла стала двигаться к выходу. Я ничего не понял, ведь мы просто вышли на другую сторону перрона, но спорить не стал.

И вдруг на выходе я услышал звучание аккордеона. Мой профессиональный слух безошибочно определил, что играет профессионал. Подойдя поближе, я увидел скромно одетую бабушку, которая невероятно виртуозно играла на этом тяжеловесном инструменте. За годы обучения музыке я благодарил маму, что играю на скрипке, легком и милом инструменте. Помню измученных потных ребят, которые тащили на себе на каждое занятие неподъемный «гроб» с баяном или аккордеоном.

После слов благодарности мама всегда заключала, что только она знает, что для меня лучше.

На удивление в руках сухонькой женщины инструмент не выглядел таким уж тяжелым. Она двигалась, будто на сцене, концертные постановочные позы я безошибочно признал. Лейла достала свои чаевые и бросила в чехол. Мне показалось это странным, ведь семья Лейлы сама нуждалась. Моя спутница, будто услышав мысли, сказала, что бабе Нине эти деньги нужнее, потому что у нее тяжелая судьба.

Бабушка прекратила играть, поздоровалась с нами, поблагодарила свою благотворительницу за помощь и спросила, какую для нас сыграть мелодию. Я растерянно пожал плечами, тогда бабушка сыграла прекрасное танго, которое прежде я не слышал. Мы еще немного постояли и отправились домой.

Подходя к подъезду Лейлы, я понял, что влюбился в нее. Впереди предстояла серьезная битва с родителями, ведь принять мою Лейлу с ее родословной они не собирались.

Мои опасения оказались не напрасными. Убеждения и разговоры о моей Лейле мама даже не хотела слушать. Она вспомнила, с каким трудом приняла мой уход из консерватории. Но на этот раз она не собиралась сдаваться. После громких продолжительных выяснения отношений мама заключила: «Выбирай: или мы, или она!» Мама всегда была импульсивной женщиной, но в этой ситуации меня смущала позиция отца, который просто молчал, опустив голову. В сердцах я собрал вещи и отправился ночевать в студию, где частенько после работы приходилось оставаться на ночлег.

Утром друзья помогли подобрать маленькую квартирку в аренду, где я смог начать свою самостоятельную жизнь, полную радости и счастья. Мама Лейлы приняла меня без лишних слов. Маленькая, худенькая, измученная бесконечными бытовыми проблемами и бедностью женщина не потеряла с возрастом привлекательности и чувство юмора.

Наш роман с Лейлой развивался стремительно, через месяц мы стали жить вместе. По вечерам я забирал Лейлу из кафе, мы делали лишний круг и каждый вечер слушали бабушку Нину.

Со временем я стал обнаруживать в доме всякую безделицу типа брелочков, статуэток, свистуллек и прочей ерунды. Оказалось, моя избранница каждый день покупала этот хлам в переходах метро. Денег мне было вовсе не жалко, но я не мог понять, как такой практичной девушке могут пригодиться эти покупки. На что Лейла, взяв в свои ладони мое лицо, глядя на меня широко открытыми глазами, сказала, что эти продавцы – нищие люди, но им стыдно просить милостыню, и нет ничего предосудительного в том, чтобы немного подыграть им, не унижая их достоинства. Ведь она платила за труд.

Такие простые слова, но они перевернули все в моей душе. Через какое-то время я и сам стал приносить в дом потерянные книги и элементы старинных хрустальных люстр.

Наши дни пролетали стремительно, я не успел моргнуть глазом, как с Лейлой мы отметили шесть месяцев нашей совместной жизни. В душе осталась горечь только от того, что родители так и не приняли Лейлу, и мы прервали с ними отношения.

Но вскоре нам предстояло встретиться, правда, в больнице. Машина родителей попала в автокатастрофу, это был несчастный случай.

Мне позвонили из театра и предупредили, что отец находится в коме, мама с множественными переломами тоже лежит в реанимации.

Бросив все, я отправился в стационар. Меня пустили в палату мамы. Зрелище было не для слабонервных: гипс, трубки, аппараты. Она пришла в сознание и узнала меня. Стала плакать, спрашивала про отца. Потом замолчала, сосредоточилась и потребовала дать обещание, что Лейла никогда не станет моей женой. Я был потрясен тем, что в такую минуту мама думала только о своем уязвленном тщеславии. Чтобы не тревожить маму, я сказал: «Обещаю». Через пять дней она умерла, папа умер через месяц...

Убитый горем, раздавленный чувством вины, обремененный своим обещанием, я уволился со студии, собрал вещи и вернулся жить в дом родителей, оставив свою любовь навсегда...

Когда я переступил порог дома, почувствовал холод и запах сырости. Все вокруг было будто безжизненным. Зайдя в спальню родителей, я обнаружил свою скрипку. Она лежала на письменном столе, словно живой укор моей самостоятельности. Боль пронзила мою грудь. Я схватил инструмент и закинул его на шкаф. Выскочил в зал, упал на диван и горько заплакал. Тогда я был уверен, что музыке и любви не место в моей жизни. Потребовалось полгода, прежде чем я решил вернуть утраченные крылья...

Ариша ЗИМА

[\(Продолжение следует\)](#)